

Указом Президиума Верховного Совета Таджикской ССР В. Барботько, актеру театра имени Вл. Маяковского, присвоено почетное звание народного артиста Таджикской ССР.

ВЫДАЮЩИЙСЯ советский режиссер, актер и теоретик театрального искусства К. С. Станиславский как-то сказал: «Артист — это тот, для кого театр — его сердце».

Я вспомнил эту фразу, когда в уютных коридорах Государственного ордена Дружбы народов русского драматического театра им. Вл. Маяковского встретил народного артиста Таджикской ССР Владимира Барботько. На поздравление с присвоением ему высокого звания он ответил, смутившись: «Спасибо, но я удостоился его благодаря коллективу — благодаря артистам, с которыми в течение многих лет делил на сцене и все его удачи, и неудачи созданных нами образов, спектаклей».

Первое смущение, свойственное скромным людям, к числу которых относится В. И. Барботько, постепенно сглаживалось. Мы разговорились, и по ходу беседы передо мной раскрывался удивительно обаятельный человек, страстно влюбленный в свою профессию, убежденный в высоких целях и благородных задачах искусства.

Владимиру Иосифовичу Барботько исполнилось пятьдесят лет. Тридцать из них он отдал любимому делу — служению искусству. После окончания театральной студии при Новосибирском драматическом театре Барботько десять лет работал в театрах Прибалтики, а затем, переехав в Душанбе, стал работать в театре им. Вл. Маяковского. За тридцать лет им сыграно свыше ста шестидесяти ролей.

Артист увлеченно рассказывает о каждой, рассказывает так, будто это было недавно.

— Хорошая у вас память, Владимир Иосифович.

— Дело не в памяти. Процесс творчества требует отдачи всех сил и знаний, полной внутренней мобилизации. Ведь с каждой ролью, с каждым образом связаны многие дни мучительных поисков, бессонных ночей. Бывало, чуть ли не плачешь от собствен-

ного бессилия перед иным образом. Но если поиск увенчался успехом, если находишь правильное решение, — наступает мгновенное радости, которое ни с чем не сравнимо.

— И как долго живет эта радость? В момент находки, творческого озарения или от спектакля к спектаклю?

— Она живет недолго, потому что постоянно приходится готовить новые роли, а с новой ролью начинаются новые поиски, новые муки. Но од-

он принес радость и зрителю, и актеру.

— Какие из созданных вами образов вы считаете наиболее удачными, любимыми?

— Наверно, так же, как любящая многодетная мать не может выделить кого-либо из своих детей, так и я не могу выделить сыгранные мною роли на более или менее любимые или дорогие. Будь это образ Перчихина из «Мещан» или Шприха из «Маскарада», Пенсиконера из «Ленинградского проспекта» или Благого из «Доктора философии», Капитона из «Чти отца своего» или Богунз из «Власти», Хокиро из

в игре ведет к недоверию к образу, может вызвать недоверие зрителей.

Когда постановщик спектакля, народный артист Таджикской ССР В. Я. Ланге поручил мне роль Хокиро, я наметил план работы над ролью, изучения материала. Многие пришлось изменить в обычном режиме жизни. Много времени проводил среди колхозников, посещал чайханы, где собираются старики, колхозные базары, куда дехкане привозят свой товар, внимательно изучал их поведение, жесты, одежду, манеры, прислушивался к разговорам.

Народная мудрость гласит: собирай по ягодке — будет кузовок. Так и я собирал по крупице то, что нужно было для образа Хокиро. О нем я думал постоянно — и во время работы, и когда возился с внуками. Образ Хокиро неотступно находился перед глазами. И наступил миг, ради которого живет артист...

— И вы удовлетворены достигнутым?

— Нет. Я продолжаю совершенствовать роль, обогащать образ. Если актер остановивается на достигнутом, он умирает как актер. Актер тот, кто постоянно ищет, находит, лепит образ. Четырнадцать лет назад я играл Прошку в «Третьей патетической» и часто мысленно возвращался к этому образу, думал, что мне удалось, что нет. И теперь, когда режиссер поручил мне ту же роль и поставил передо мной новую, более сложную задачу, Прошка не дает мне покоя так же, как четырнадцать лет назад...

Я рад, что участвую в создании спектакля, посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Весь коллектив театра трудится в эти дни с огромным вдохновением и подъемом. У меня же в этом году тройной праздник — с праздником Великого Октября и сорокалетием театра совпало мое пятидесятилетие. Я бесконечно благодарен партии и правительству за высокую оценку моего труда. Это обязывает меня работать еще больше, еще лучше.

Н. ИСЛАМОВ.

РАДИ МИГА, ПРОЖИТОГО НА СЦЕНЕ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

нажды найденное живет в тебе всегда. Только его приходится, как дорогую и нужную книгу, откладывать на полку, до следующего спектакля. Но пережитое в образе остается в сердце, приумножая мастерство. Со временем можно позабыть текст, детали, но однажды созданный образ — никогда.

— Не способствует ли это в то же время появлению штампов?

— Такая опасность подстерегает каждого актера. Но это зависит от него самого. Актер, живущий в постоянном творческом накале, ищущий, для каждой роли найдет особые краски, присущие только этому образу. Все, что делает актер, — его поиски, муки творчества, все делается ради мига, прожитого на сцене, ради того, чтобы этот миг был удачным, правдивым, чтобы

«Мечтателя» или... ну, довольно перечислять! Каждому из них отдано много сил, энергии, нервов. Нервов на создание образа актер тратит, как говорится, рулонами. Это огромная нагрузка на организм. Но силы восстанавливаются от удовлетворенности своей работой, от радости удач.

— Владимир Иосифович, по общему мнению зрителей, в спектакле «Мечтатель» вы создали убедительный, правдивый образ колхозника-таджика Хокиро. Расскажите об этой вашей работе.

— Для нас, артистов первого в Таджикистане русского драматического театра, создание спектаклей на национальном материале, то есть создание спектаклей по пьесам таджикских драматургов, всегда было особой радостью и вызвало чувство большой ответственности. Малейшая фальшь